

поклонения Богу благодаря совершенному Им благодатному *преображению* творения представляется в гораздо большей степени соответствующей контексту, чем идея *creatio de novo*. В Откр 11. 15–19 это пророческое видение об идеальном состоянии мира объявляется свершившимся и в свою очередь предвосхищает появление и последовательное уничтожение в последующих главах сил зла, именуемых здесь «губившими землю». Наконец, тема нового творения находит свое логическое завершение в финальных главах книги (Откр 21–22). Вот как представляет их значение сам автор монографии: «...творение не оставлено, а скорее оно поднято на качественно более высокий уровень, где его изначальные цели и задачи исполняются в полной мере... новое творение отличается от старого *отсутствием* сил, которые несут с собой разрушение, боль и хаос... а также полным и непосредственным *присутствием* Бога, поскольку ранее противопоставленные друг другу небо и земля сливаются в одно нерасторжимое единство» (с. 256–257).

Подводя итоги своего исследования, автор «с высоты» проведенного им анализа текста Апокалипсиса отбрасывает ту неопределенность, с которой он говорил о характере связи между пророческими, апокалиптическими, новозаветными книгами, с одной стороны, и Откр — с другой. По его мнению, видения и речения Апокалипсиса, укорененные в предшествующей традиции и ориентированные на аудиторию малоазийских христиан, призваны сообщить как о суде над современным состоянием творения, так и об эсхатологическом *обновлении* мира. Таким образом, именно *обновление* оказывается ответом на вопрос, вынесенный автором в заглавие книги.

Высокий научный уровень рецензируемой монографии, а также подготовленность и убедительность представленных в ней выводов делают ее значительным вкладом в изучение темы творения в Откр и открывают возможности для перспективных исследований в смежных областях богословия. Поэтому без преувеличения можно сказать, что настоящая книга Марка Стефенса достойна пристального внимания как со стороны студентов, так и стороны серьезных ученых-библеистов.

диакон Глеб Курский
(ПСТГУ)

Baynes L. The Heavenly Book Motif in Judeo-Christian Apocalypses, 200 BCE — 200 CE. Leiden: Brill, 2012 (Supplements to the Journal for the Study of Judaism; 152). IX+233 p.

Монография «Мотив небесной книги в иудео-христианских апокалипсисах 200 г. до Р. Х. — 200 по Р. Х.», автором которой является Лэсли Бэйнс, исследовательница из университета Нотр Дам в США, специалист в области апокалиптической литературы, представляет собой переработку ее докторской диссертации.

В качестве отправной точки для своего исследования автор берет высказывание философа Ж. Деррида: «...книги и письменность всегда связаны с вопро-

сом жизни и смерти». Действительно, письменный текст, в отличие от устной речи, имеет особые свойства: он точно зафиксирован и долговечен, и при отсутствии своего автора может продолжать свое свидетельство; в какой-то степени можно говорить о «вечности» написанных слов. Благодаря вышеназванным свойствам письменный текст может быть соотнесен с вневременной трансцендентной реальностью. Эта идея нашла свое отражение в литературных памятниках, содержащих упоминания о письменных текстах, которые пребывают на небесах у Бога и в которых высокий авторитет записанного текста соединяется с авторитетом божественным. Такие письменные тексты можно объединить названием «небесных книг».

Основываясь на трудах предыдущих исследователей¹, Л. Бэйнс определяет три *вида* небесной книги. В «книге жизни» (book of life; это словосочетание употребляется в самих источниках) записаны имена людей, достойных быть причисленными к праведникам. Нередко упоминаются также «книги» (во множественном числе), в которых записываются все совершенные людьми дела, поэтому данный вид небесной книги исследователи называют «книгой дел» (book of deeds). От «книги дел» отлична т. н. «книга судеб» (book of fate), в которой все жизненные пути людей записаны уже заранее; она содержит в себе от века определенные судьбы мироздания.

Бэйнс также выделяет особый, четвертый, вид небесной книги — «книгу действия» (book of action), и в этом состоит научная новизна ее исследования. Отличительным признаком книг этого вида является то, что они сами становятся активным «действующим лицом», неся наказания грешникам. К этому виду относит летящий свиток Зах 5. 1, запечатанную книгу Откр 5. 1 и «письмо» Оды Соломона 23.

В своей монографии автор прослеживает историю мотива небесной книги в иудейской и христианской традициях. Работа Л. Бэйнс состоит из восьми глав. Описав состояние вопроса и подчеркнув актуальность исследования в первой главе, во второй главе автор переходит к анализу выделенных образов небесных книг в Ветхом Завете, в древней ближневосточной и греко-римской традициях. В данной главе Бэйнс уделяет большое внимание восприятию, значению и функциям письменного текста в этих культурах, и находит «земные» прототипы для образов небесных книг (списки граждан, воинская перепись, памятные записи, исторические хроники и др.).

3-я, 4-я и 5-я главы являются основными в данном исследовании — в них рассматриваются образы небесных книг в межзаветной апокалиптической литературе (1 и 2 Енох, Книга Юбилеев, Завещание Авраама и пр., а также свитки Мертвого моря). Книга пророка Даниила также включена именно в этот ряд ввиду принадлежности ее 7–12 глав к апокалиптическому жанру; кроме того, автор придерживается датировки этих глав временем после начала гонений Антиоха Епифана. Важно отметить, что особенности небесных книг, упомянутых в Дан 7–12, полностью характерны для межзаветной литературы. В 3-й главе

¹ Среди них, прежде всего, стоит отметить труд: Koep L. Das himmlische Buch in Antike und Christentum: Eine religionsgeschichtliche Untersuchung zur altchristlichen Bildersprache. Bonn, 1952.

анализируется образ «книги жизни» в этих произведениях, в 4-й главе — образ «книги дел», в 5-й — «книги судеб».

6-я и 7-я главы посвящены анализу небесных книг в христианских произведениях: в 6-й главе анализируются новозаветные упоминания, в 7-й главе — упоминания в произведениях II в. (сюда отнесены Пастырь Ерма, Вознесение Исаяи, Оды Соломона). Восьмая глава представляет собой обобщение и заключение.

Таким образом, в работе сначала излагается история мотива небесной книги. Далее, при исследовании межзаветной литературы, где упоминаний очень много, автор структурирует материал по видам небесных книг, а в главах, посвященных христианской литературе, — по отдельным произведениям.

Упоминания небесных книг в Ветхом Завете достаточно фрагментарны, однако всякий раз эти книги оказываются обладающими высокой значимостью. Безусловно, основным видом небесной книги в библейской ветхозаветной литературе является «книга жизни» (Исх 32. 32; Пс 68. 29; Ис 4. 3; также Мал 3. 16 и Пс 138. 16 в переводе LXX). Она представляет собой как бы небесный список народа Божия, тем самым выражая идею о том, что Бог помнит о каждом отдельном человеке.

В ветхозаветных текстах также встречаются упоминания о «записи» пред Богом дел людей (Ис 65. 6–7), либо, наоборот, об «изглаживании» прежних грехов (Пс 50. 3; Ис 43. 25; 44. 22). В этих случаях возможно говорить о небесной «книге дел», которая служит символическим выражением всеведения Божьего, открытости пред Богом всех дел грешников и праведников, и, соответственно, справедливого воздаяния; «изглаживание» символизирует прощение грехов.

«Книга судеб» в ветхозаветных текстах встречается реже всего (Пс 138. 16 в масоретском тексте; еще одно возможное ее упоминание, по мнению Бэйнс, — Пс 55. 9), и с помощью этого образа прежде всего выражается идея особого попечения и промысления Божия об отдельном праведнике. Нельзя не отметить яркий контраст с языческими литературными памятниками, где образ «книги судеб» является самым распространенным и где отличительной особенностью этой книги является запись в ней предопределенных судеб всего мира².

В межзаветной литературе мотив небесной книги играет особую роль, причем это по преимуществу справедливо применительно к произведениям апокалиптического жанра³. Образы небесных книг появляются в них чаще, чем это было в предшествующей ветхозаветной традиции, и сцены, где они появляются, детально разработаны. Нередко в одном произведении упоминаются несколько видов небесных книг, которые оказываются связанными между собой.

В главах, посвященных межзаветной литературе, Л. Бэйнс также прослеживает *развитие* смыслового содержания «книги жизни» и «книги дел». По мнению Бэйнс, из раннего ветхозаветного употребления образа «книги жизни» можно заключить, что в ней записаны имена членов народа Божия, живущих на земле. В межзаветной литературе, с развитием представлений о бессмертии и воскресе-нии мертвых, «книга жизни» оказывается содержащей имена людей, наследую-

² См.: образ «Таблицы судеб» в шумерской поэме Энума Элиш (с. 46–52).

³ Или в близких к нему произведениях, таких как книга Юбилеев, Повесть об Иосифе и Асенефе.

щих *вечную* жизнь (Дан 12. 1, 1 Енох 104, Ап. Софонии 3, повесть об Иосифе и Асенефе); этот образ служит для уверения в вечной блаженной жизни праведников и невинно пострадавших на земле.

Относительно «книги дел» Бэйнс утверждает, что ветхозаветные ее упоминания допускают, что воздаяние Божие по делам людей свершится уже в земной жизни; в последующей же межзаветной литературе подчеркивается решение *вечной* участи человека — на основании записанных дел каждого наследуется вечное благословение или осуждение (Дан 7. 9; Ап. Софонии 3; Завещание Авраама и пр.). В целом, роль «книги дел» в данных памятниках существенно возрастает.

Образ «книги судеб» также достаточно часто появляется в межзаветных апокалипсисах. Его появление может пониматься как свидетельство о том, что вся история находится в руках Божиих (Дан 10. 21; 1 Енох 107; Кн. Юбилеев 5. 16). Межзаветные авторы нередко использовали данный образ для придания авторитета своим писаниям: современные читателям события представлялись как древнее пророчество заявляемого «автора» (например, Еноха — 1 Енох 93), а для подлинного автора они фактически являлись прошедшими.

Анализируя христианские литературные памятники до 200 по Р. Х., Бэйнс отмечает, что в Новом Завете содержится мало упоминаний о небесных книгах (Лк 10. 20, Флп 4. 3, Евр 12. 23), и в основном речь идет о «книге жизни»; ту же тенденцию можно увидеть и в раннехристианских произведениях. Для всех рассматриваемых произведений характерно соотнесение небесных книг с вечной жизнью. В монографии особое внимание уделено Апокалипсису, в котором присутствуют различные виды небесных книг (Откр 3. 5; 13. 8; 17. 8; 20. 12; 20. 15; 21. 27 — «книга жизни», Откр 20. 12 — «книга дел», Откр 5. 1 — запечатанная книга в деснице Божией). Указанные книги имеют достаточно важное значение для всего произведения в целом; в особенности это касается книги с семью печатями Откр 5. 1. Данный факт служит подтверждением тезиса Бэйнс об особой роли мотива небесной книги в произведениях апокалиптического жанра.

В литературных памятниках также можно проследить, как изменяется ответ на вопрос, *кто* именно *владеет* небесными книгами. В Ветхом Завете они всецело принадлежат Богу, но в межзаветной литературе акцентируется их связь с ангелами, а также с праотцем Енохом, который представлен здесь как созерцатель сокровенных тайн и небесный писец. В христианских же произведениях обладание книгами переходит ко Христу, что вполне объяснимо в рамках новозаветного откровения о Христе как Источнике жизни и Судии, изрекающем решение о вечной судьбе каждого человека (ср.: Ин 5. 22, Мф 25. 31–46). Автор завершает свой труд анализом 23-й Оды Соломона, где небесная книга настолько значима, что в конце фактически отождествляется с Самим Христом.

Л. Бэйнс удаётся убедительно показать значение мотива небесных книг в иудейской и христианской апокалиптической литературе. В образах небесных книг проявляются очень значимые богословские истины — к примеру, «изглаживание» грехов из «книги дел» говорит об открытой для человека возможности покаяния, об отсутствии необратимости и окончательного предопределения. Об этом же свидетельствует совершенно незначительная роль образа «книги судеб» в библейских произведениях. С другой стороны, распространенность образа

«книги жизни» свидетельствует о том, что на первый план выходит идея дарования людям жизни вечной. Использование мотива небесной книги, таким образом, раскрывает целый спектр богословских идей; по словам самой Л. Бэйнс, «не очень значительный на первый взгляд мотив открывает очень многое о богословии, христологии, ангелологии, эсхатологии, апокалиптике, бессмертии души, воскресении, а также взаимодействии устного и письменного слова...» (с. 203). Все эти аспекты рассмотрены автором на страницах ее книги.

Высокая компетентность автора в исследуемой области бесспорна. В работе проведен качественный анализ источников, проработано множество литературы, очевидна продуманная структура. Однако в отдельных моментах книга Бэйнс не лишена некоторых недостатков, как содержательного, так и структурного характера.

Отметим, прежде всего, что исследовательница не уделила достаточно внимания определению самого понятия небесной книги — в ее интерпретации это «письменность, которая хранится на небесах и предназначена для употребления исключительно на небе» (с. 18). Однако при таком понимании к небесным книгам не может быть причислена «книга действия», предложенная самой Бэйнс в качестве еще одной разновидности небесных книг.

Возражение вызывает отнесение «запечатанной книги» 5-й главы Апокалипсиса к категории небесной «книги действия». В образе книги Откр 5. 1 Л. Бэйнс видит параллель со свитком Зах 5. 1 — как и последний, запечатанная книга, согласно ее взгляду, также несет миру катастрофы и кары; по мнению Бэйнс, главное назначение книги — привести эти кары в действие. Однако если летящий свиток Зах 5. 1 действительно несет «проклятие и истребление» вора и клянущимся ложно, то ничего подобного не сказано про бедствия, которые предстают перед читателем в видениях при снятии печатей⁴; напротив, в видении после снятия пятой печати перед нами предстают мученики, пострадавшие за «свидетельство Иисусово». Можно заключить, что предлагаемое Бэйнс истолкование глубокого по содержанию образа запечатанной книги Откр 5. 1 оказывается слишком упрощенным и одномерным.

Может быть также оспорено стремление автора найти однозначные «земные» аналоги библейским небесным книгам. Несогласие вызывает также отнесение небесной книги из Пс 55. 9 к категории «книги судеб» — при ближайшем рассмотрении в данном случае скорее можно говорить о «книге дел». Иные исследователи не соглашаются с заключением Бэйнс о том, что в небесных книгах, упомянутых в Ветхом Завете, речь идет только лишь о земной жизни человека⁵.

Структура некоторых глав работы, как кажется, отличается некоторой нечеткостью изложения материала. В частности, в главах, посвященных межзаветной литературе, структурирование материала по видам небесных книг позволяет получить объемное представление о каждом виде небесной книги, однако очень часто в одном произведении встречаются упоминания нескольких видов. Воз-

⁴ Прямое указание на воздействие казней только на грешников есть в цикле труб (Откр 9. 4), но не в цикле печатей.

⁵ К примеру: *Rodriguez A. M. The Heavenly Books of Life and of Human Deeds // Journal of the Adventist Theological Society. 2002. Vol. 13/1. P. 10–26.*

можно, в работе не хватает раздела, где был бы дан обзор небесных книг в их взаимосвязи в *каждом отдельном* произведении.

В целом книга Бэйнс представляется качественным научным трудом, вполне заслуживающим внимания со стороны как научной общественности, так и более широкой публики, интересующейся вопросами библеистики и богословия.

*В. А. Андросова
(ПСТГУ)*

Kessel G., Pinggéra K. A Bibliography of Syriac Ascetic and Mystical Literature. Leuven: Peeters, 2011 (Eastern Christian studies; 11). 224 p.

Представленное издание — обширный и прекрасно структурированный библиографический справочник по сирийской мистико-аскетической письменности, охватывающий издания письменных памятников, их переводы и посвященные данной теме научные работы на европейских, русском и арабском языках. Справочник состоит из трех частей: введения, собственно библиографии (состоящей из двух разделов: в первом представлены публикации общего характера; второй же, основной, раздел организован по именам сирийских авторов в алфавитном порядке) и приложений (указателя сокращений, указателя рукописей и перечня библиографических дополнений). Введение состоит из двух глав: «Сирийская мистико-аскетическая письменность: ее характер и значение» и «Содержание и структура настоящей библиографии».

Составители сознательно сузили свою задачу, отказавшись от повторения сведений, приведенных в других специальных сирологических библиографических изданиях¹ и сосредоточившись на поиске и организации библиографических данных, необходимых исследователю, работающему в обозначенной области, но разбросанных часто неуловимым образом или вовсе затерянных в малоизвестных публикациях. Тщательность выверки собранных данных и организации их в систематическую библиографию производит самое лучшее впечатление. Заинтересованный владелец данного издания получает в свои руки плод серьезного научного анализа и может быть благодарен авторам рассматриваемого справочника и его издателям за структурирование, на библиографическом уровне, накопленного знания в представленной области исследований. При попадании в данную область извне и при перемещении внутри нее соответственно своим научным интересам учащиеся и исследователи будут избавлены от чувства растерянности — в их распоряжении отныне имеется надежный путеводитель.

Если учитывать самого раннего и самого позднего из учтенных сирийских авторов, то нужно заключить, что библиография охватывает период от III в., представленного Афратом (ок. 270—345), до XVIII в., в лице халдейского патриарха Иосифа II (1696—1713/4). В основном, однако, в библиографии отражены издания и исследования, посвященные авторам эпохи от III до X в.

¹ Например: *Den Biesen K. Bibliography of Ephrem the Syrian. Giove in Umbria, 2002; Takahashi H. Barhebraeus. A Bio-Bibliography. Piscataway (NJ), 2005.*